

18+

Катарина Фолкмер

ЕВРЕЙСКИЙ ЧЛЕН

роман

CoRpus

Если хорошая проза всегда идет на риск,
то этот роман — русская рулетка.

TIMES LITERARY SUPPLEMENT

Катарина Фолкмер Еврейский член

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64366927

Еврейский член: роман / Катарина Фолкмер пер. с англ. в. Пророковой:

АСТ: CORPUS; Москва; 2021

ISBN 978-5-17-121279-7

Аннотация

Катарина Фолкмер, известная в профессиональных кругах как литературный агент, неожиданно произвела международный фурор, выпустив в свет свой дебютный роман. На приеме у врача сидит молодая женщина, немка, живущая в Лондоне. Наследство прадеда позволило ей радикально изменить свою жизнь, но прежде чем совершить решающий шаг, она расскажет свою историю с предельной откровенностью, не щадя ни себя, ни кого бы то ни было, смело заглядывая в такие глубины человеческого сознания, куда редкий авантюрист рискнет спуститься без страховки.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

33

Катарина Фолкмер

Еврейский член

В память о Дэвиде Мюллере, в чьем кресле я написала эту повесть.

Katharina Volckmer

THE

APPOINTMENT

(Or, The Story of a Jewish Cock)

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

© Editions Grasset & Fasquelle, 2021

© В. Пророкова, перевод на русский язык, 2021

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет,
2021

© ООО “Издательство АСТ”, 2021 Издательство
CORPUS ®

Понимаю, доктор Зелигман, возможно, сейчас не лучшее время для такого разговора, но я только что вспомнила, как однажды мне приснилось, что я – Гитлер. Мне до сих пор неловко об этом упоминать, но я действительно была им, стояла на балконе перед толпой фанатичных последователей и произносила речь. На мне была форма со смешными раздутыми штанами, я чувствовала у себя на верхней губе крохотные усики, моя правая рука под звуки моего гипнотизирующего всех голоса взлетала вверх, о чем я говорила, точно не помню – вроде бы о чем-то связанном с Муссолини и с некоей абсурдной идеей насчет экспансии, но это и не важно. Да и вообще, что есть фашизм, как не идеология ради идеологии: он не несет в себе никакого идейного посыла, тем более что в конце концов итальянцы нас обскакали.

По городу через каждые сто метров – то “паста”# то “эспрессо”#и их мерзкий флаг на каждом углу. А вот “зауэркраут” нигде не встречала. Нам с нашей убогой кухней никогда не удалось бы удерживать империю тысячу лет – есть предел тому, что можно навязать людям, и любой сбежал бы после второй перемены называемого у нас блюдами. Это всегда было нашим слабым местом, мы никогда не создавали ничего, чем можно просто наслаждаться, без высшей цели, не случайно ведь в немецком нет слова для удовольствия, мы знаем лишь похоть и веселье, и не отсасываем мы ни у кого с ис-

тинным рвением – глотки наши недостаточно влажны, потому что выросли мы все на черстве хлеба. Знаете, этот кошмарный хлеб, который мы едим и о котором всем твердим, такой у нас вечный миф о самих себе. По-моему, это божья кара за все совершенные нами преступления, так что никогда ничего столь чувственного, как багет, или столь влажного, как черничные маффины, что подают здесь, в Лондоне, нипочем не могло бы появиться. Это одна из причин, по которым мне пришлось уехать: я не желала больше лгать со всеми вместе о хлебе. Но так или иначе, когда я произносила то, что мы бы сейчас назвали ненавистнической речью, я чувствовала: доносящиеся снизу оргиастические овации – лишь жалкая компенсация за мое явное уродство. Да, я была хоть и не горбатая, но ни все мертвые евреи мира, ни даже мое якобы вегетарианство не делали меня достойной фото от Рифеншталь. Я чувствовала себя самозванцем. Неужели никто не заметил, что я похожа на старую картофелину с пластиковыми волосами? До сих пор помню, с какой тоской я проснулась в тот день – с тоской от того, что никогда мне не быть одним из юных немецких красавцев-блондинов с античным телом и кожей, изумительно золотящейся на солнце, никогда мне не стать такой, какой я должна была бы стать.

Не хочу сказать, что мне было жалко Гитлера, – совершенно недопустимо стирать с лица земли целую цивилизацию потому, что ты несчастлив в своем теле, и потому, что все это олицетворяет то, что ты в себе ненавидишь, но это

заставило меня задуматься о его личной жизни, о будничном Гитлере. Доктор Зелигман, вы когда-нибудь представляли себе, как Гитлер просыпается – в пижаме, с растрепанными волосами – и бредет по комнате в поисках шлепанцев? Какой-нибудь унылый тип наверняка написал книжку о Гитлере в быту, но я предпочитаю фантазировать сама, в книжках непременно найдут способ изобразить это скучно. Я представляю себе постельное белье в свастику, такую же пижаму, каждую мелочь вплоть до фарфоровой миски с его завтраком. В Польше, в одной из сомнительных антикварных лавочек, где поляки торговали исключительно памятными вещами своих угнетателей, я видела миски и тарелки с крохотными свастиками снизу на доньшке. Это напоминало какую-то извращенную Барби-вселенную: если накопишь достаточно денег, можно купить новую жизнь, блестящую, всю в одном стиле, я могла вообразить даже телерекламу: кукла-Гитлер с напомаженными волосами, на холеном коне спасает добрую немецкую женщину из лап зловеще ухмыляющегося еврея и скачет в сторону заката – арийская раса под защитой и в безопасности. Рекламщики обычно такие ушлые, а тут упустили столь прекрасную маркетинговую возможность: вы только представьте, сколько радости было бы немецким ребятишкам, будь у них “Лего” # концлагерь фройденштадт¹: сооруди сам печь, организуй депортацию и не забудь обустроить среду обитания. Можно было бы и на-

¹ *Freudenstadt* – город радости (нем.).

бор для взрослых придумать: не только абажуры и перчатки из кожи, а еще и анальные пробки на конскую тему – из настоящих волос врага. Но, боюсь, этот корабль уже уплыл, и я вовсе не хочу вас обидеть, доктор Зелигман, особенно теперь, когда ваша голова у меня между ног, но не кажется ли вам, что в геноциде есть что-то сексуально-эксцентричное?

Я тут на днях возвращалась домой, и один человек бросился под поезд – видимо, хотел уйти, громко хлопнув дверью, так, чтобы попутчики запомнили его прощальный жест, его ответ нынешней нашей битве с отчаянием. Так что мне пришлось идти домой по тем районам Лондона, где живут люди предыдущих поколений – у которых настоящая мебель и сверкающие ванны, а детские магазины такие заманчивые, что кажется, будто детство изобрели французы, и в палисадники к ним весна будто приходит раньше, чем ко всем прочим. Особенно мне нравятся магнолии с темными цветами – очень элегантные, почти пурпурные. Доктор Зелигман, вы их видели? И никому в голову не придет мусорить перед такими домами – они даже на неотесанные натуры действуют благотворно, а вот у меня в проулке вечно следы человеческой наглости, и утром, выглянув из-за занавески на улицу, я там вижу что угодно – от ржавых холодильников до старых косметичек и поломанных игрушек. Не понимаю, что во мне такого, отчего люди думают, что я порадуюсь их хламу, я даже чуть не опустилась до публичного заявления насчет того, как меня это унижает, чуть не повесила объявление с прось-

бой прекратить, что немногим хуже, чем просить еды или чистые трусы. Вы пробовали когда-нибудь заставить людей уважать ваше человеческое достоинство? Я не прошу ничего исключительного – ни благопристойного секса, ни подлинных чувств, – но хоть что-то приятное мне оставьте, однако, похоже, меня заколдовала какая-то злобная фея, которая делает все, чтобы ни один принц не разглядел мое окно и чтобы сны мои воняли лисьей мочой и напоминали тот пластиковый мусор, что нам показывают в документальных фильмах о том, как мы убиваем Мать-Природу. От них накатывает чувство вины и омерзения, и по ночам я пытаюсь засыпать, не представляя себе своего будущего. Поэтому-то я давно перестала заглядывать в те районы Лондона, которые мне не по карману, – побывав там, я вижу все свои провалы как сквозь увеличительное стекло и вспоминаю все то, за что родители меня никогда не простят. Ну почему я просто не раздвинула ноги в нужный момент, не заботилась лучше о своем теле, не вышла за одного из тех мужчин, у кого в саду магнолии с пурпурными цветами? Ведь могла бы быть одной из женщин, что сидят в роскошных кафе и ни о чем не тревожатся. Жила бы как в шоколадной лавке, доктор Зелигман. Наверное, поэтому богатые выглядят так, будто их только что трахнули сделанным на заказ straponом, пока кто-то другой гладил для них в соседней комнате свежие простыни. Поэтому и дети у них не такие уродливые – ведь они действительно родителям по карману и знают, что име-

ют право существовать. Так, должно быть, работает чувство превосходства. Как вы думаете, доктор Зелигман, не ошибка ли, что я вместо всего этого пришла к вам?

Впрочем, меня не пугает то, чем мы с вами собираемся заняться, доктор Зелигман. Меня не пугает ни смерть, ни что иное, я знаю, что могу вам доверять, а смерть – она безмолвна. Нас убивают не громкие вещи – от них-то мы блюем, вопим и рыдаем. Такие штуки – это когда мы ищем внимания. Они как кошки по весне, доктор Зелигман, ждут от нас сопротивления, хотят будить нас ночью и слушать мелодию наших проклятий, но ничего дурного в себе не несут. Смерть же – это то, что растет внутри нас, то, что в конце концов взорвется, выйдет из берегов и затопит все, что дышит. Язвы, что гноятся незамеченными, сердца, что разрываются без предупреждения. Вот это-то во всех фильмах и телешоу с насилием, смахивающим на порно, и неверно, доктор Зелигман: от такого люди редко погибают. Это уже внутри нас – то, как мы умрем, и другие ничего с этим поделать не могут, равно как с тем, что с определенного момента те, кого мы когда-то в будущем обидим или трахнем, уже бродят по планете, к линейному восприятию нас подталкивает исключительно наша концепция времени. Но именно поэтому я не боюсь, доктор Зелигман, я нутром чувствую, не моя это судьба – умереть в ваших руках. Слишком уж они нежные, даже шрама не останется.

Не то чтобы я никогда никого не любила, доктор Зелиг-

ман. Понимаю, вы меня не очень хорошо видите, но я не хочу, чтобы вы решили, будто я из тех, у кого нет ни чувств, ни эмпатии. Я просто трудно влюбляюсь, у меня это не такая предсказуемая реакция, как у большинства людей, потому что моя любовь никогда не соотносится с моей реальностью, и ни одна любовь не выдержала сравнения с тем образом, который у меня сложился. Потому что К. не умел пользоваться словами. И я по большей части оставалась одинокой – настолько, собственно говоря, одинокой, что на днях чуть не совершила глупость, которая выставила бы меня в еще более идиотском свете, а все потому, что вдруг вспомнила про свое разбитое сердце и подумала: если напишу это письмо, судьба еще пожалеет о некоторых своих решениях. Это одно из множества моих отклонений: я всегда представляю себе судьбу как некую мелодраматичную дамочку, что растянута в шезлонге и поглаживает какую-нибудь убогую кошечку или собачку, требующую удовлетворения ее причуд, и я всегда надеюсь, что есть способ до этой судьбы достучаться, повлиять на ее решения – например, если надеть особые сережки или не сесть на вроде нужный поезд. Или придумать совершенно особый способ покончить с собой. Так я просто пытаюсь отрицать то, что никто не слышит моих мыслей и вся моя жизнь проходит в темной пустоте, я понимаю, нет разницы, встану я с правой или с левой ноги, нет никакого работающего высшего механизма, и я могу хоть ногу отрубить, хоть кислотой зубы почистить. Дамочка в шезлонге да-

же глазом не моргнет и в любом случае пошлет меня по моему ничем не примечательному пути, она даже имени моего не запомнит. Иногда я слышу, как она предлагает виноград своему жалкому домашнему питомцу, и жалею, что родилась с такой некрасивой человеческой кожей. Вы только представьте, доктор Зелигман, каково это – быть чьим-то домашним питомцем, купаться в чьей-то безусловной любви. Да они для вас что угодно сделают – зимой будут включать обогреватель, хотя им это не по карману, а случись вам сблевать на их любимые туфли, без упрека вымоют их и вычистят. А если однажды вас все это достанет окончательно, вы можете выбежать на проезжую часть, у них на глазах попасть под колеса и разбить их несчастные сердца. По крайней мере, вы после себя ничего не оставите – разве что ошейник и любимую подстилку, но ничего такого, что можно похоронить вместе с вами в дальнем углу сада. Не будет никакого наследства, ничего, с чем придется разбираться вашим потомкам, разве что одинокие ночи и прогулки, ставшие бесцельными. Они не попадут ни в мою ситуацию, ни в ситуацию моих родственников, доктор Зелигман. Вот мой дедушка умер, нам приходится биться с завещанием старика, который был нам чужим, и на прошлой неделе, увидев на похоронах маму, я сразу поняла: она очень расстроена, и не только моим нынешним состоянием.

Но я все же почти написала письмо господину Шимаде. Я знаю, можно подсесть на секс-игрушки, и если позволить се-

бе слишком много легко достижимых оргазмов, становишься бесчувственной, и настоящее взаимодействие теряет всякий смысл. Но мне, доктор Зелигман, всегда хотелось, чтобы было с кем переписываться; в детстве я писала по всяким таким объявлениям, но мне никто даже не ответил. Немецкие ребяташки, видно, уже тогда чувствовали, что со мной что-то не так, а может, просто думали, что я шифрующийся педофил. В общем, мне действительно хотелось переписываться с господином Шимадой, обсуждать его роботов, ну а если начистоту, я хотела попросить его сделать одного для меня, я видела по телевизору, как он рассказывает о секс-машинках, которые разрабатывает и создает, и казалось, он крайне воодушевлен своей мечтой. Как современный спаситель, Иисус с ходячим дилдо. Я знаю, эти роботы предназначены удовлетворять сексуальные потребности мужчин, потому что мужчины самой природой приурочены к тому, чтобы их потребности удовлетворялись, но разве трудно соорудить одного с электронным членом? Вы, доктор Зелигман, наверное, решили, что это ужасно печально, – я почти чувствую, как вы там хмуритесь, но достаточно было бы его чуть переделать, убрать груди, закрыть одну из дырок, а лицо, лицо меня мало волнует. Не кажется ли вам, что лучше бы каждый из нас трахал собственного робота? Представьте только, что мы все удовлетворены и больше не должны объяснять свои желания. Но тогда, возможно, нашли бы какое-нибудь идиотское объяснение, почему роботы-мужчины опас-

ны или вовсе не нужны, ведь люди без членов всегда могут найти кого-нибудь поблизости, и вообще людей без членов нужно контролировать, чтобы люди с членами не чувствовали себя запуганными, а то иногда мужчины чувствуют себя запуганными, как-то нехорошо получается. Но мое желание, доктор Зелигман, нисколько не политическое; я давно перестала переживать насчет воздействия вездесущего насилия на мое тело, я просто устала, и идея сосредоточиться исключительно на собственном желании кажется давно позабытой мечтой. А как хотелось бы уметь выключать партнера, когда во мне иссякают все чувства.

В конце концов у меня не хватило смелости – испугалась, как бы господин Шимада не принял меня за Фрика. Он наверняка получает кучу странных писем, но мысль о том, что меня осудит некто создающий на другом конце света манекены для траханья, расстраивала, к тому же я никогда не бывала в Японии и представления не имею, какие подобают формальности. А примись я обрисовывать все свои обстоятельства и рассказывать, как я намереваюсь использовать робота, вышло бы слишком длинно, он бы смертельно заскучал и письма не дочитал. А может, мои обстоятельства банальны, как у всех; наверняка и в Японии встречаются разбитые сердца, правда ведь? Вот я сейчас об этом думаю, доктор Зелигман, и уверена, господин Шимада понял бы, и когда все это закончится, я ему все-таки напишу. Действительно, зачем трахать кусок пластика, если не для того, чтобы сберечь

свое сердце? Наверняка он согласится и изготовит для меня маленький говорящий пенис. Доктор Зелигман, а вы когда-нибудь вступали в интимные отношения с предметом? Я всегда боялась засовывать в себя то, что проводит в тело электричество, боялась#вдруг там ударит током и найдут меня в самом неудачном положении. Вы только представьте себе заголовки: одинокую женщину с двумя кошками погубил неисправный вибратор. Что может быть трагичнее? Вам известны такие случаи? То есть, я понимаю, есть гарантии, и Япония – не Китай, и все, что там производится, очень высокого качества, но раньше я бы ни за что не осмелилась. Если уж начистоту, тем более что это медицинское обследование и информация может оказаться релевантной, я в вагину разве что бананы решалась. У одного банана была очень толстая кожура, и эти продольные штучки напоминали пульсирующие вены. Сейчас мне даже вспоминать противно, но в то время это меня заводило, да и риск был невелик. Однако результат меня разочаровал. Там все было очень сухо, и мне довольно быстро надоело водить рукой туда-сюда. Это было до того, как я узнала, что лубриканты можно применять практически со всем, и наконец поняла, почему в больницу иногда доставляют людей, у которых полгостиной в задницу засунуто. Думаю, это все от одиночества, доктор Зелигман, – они не умеют выразить свои желания.

По-моему, вот-вот пойдет снег, доктор Зелигман. Тучи такие, будто того и гляди лопнут, а когда я шла сюда, в воз-

духе пахло зимой. Знаете, перед сумерками в атмосфере разливается такая особенная серость, которая скоро поглотит свет, и невозможно отличить, что ты чувствуешь, а на что смотришь. Когда уже настолько холодно, что заметно, как как из человеческих тел уходит тепло. Но в другие дни у вас отсюда, наверное, замечательный вид. Доктор Зелигман, а вы выходите посидеть в парке у вас под окнами? Когда я еще ходила на работу, в обеденный перерыв я отправлялась в парк, в один из тех чудесных парков, которые немцы изуродовали бы, а британцы считают чуть ли не священным местом, там настоящие цветы и дружелюбные собаки. Но больше я туда не хожу. Боюсь, люди заметят, что со мной происходит, да и если бы я там уселась в своем нынешнем состоянии, чувствовала бы себя самозванкой. А еще я перестала ходить в парк потому, что, если я часто слушаю разговоры других людей, все во мне начинает истекать кровью. Именно это так жестко дает понять, насколько на самом деле банальна человеческая жизнь. Пока разговариваешь только с самой собой, какие-то подробности можно опустить, но когда вокруг бессмысленная болтовня окружающих, меня охватывает острейшее желание себя убить, и я больше не могу не думать о том, что наша планета – просто умирающая звезда, несущаяся в бесконечной пустоте и даже не заслуживающая солнечного света, который поддерживает в нас жизнь. Будь моя воля, солнце взорвалось бы немедленно, положив конец этой неистовой глупости, я даже подумывала, не онеметь ли навсегда. Вам,

быть может, трудно это вообразить, доктор Зелигман, но я просто не желала больше участвовать в пустопорожних сло-воизвержениях. В те времена, когда я еще сживала в парке, мне всегда хотелось, чтобы этих бездумных людей обделали голуби, запятнали бы их за все зло, что они натворили, за то, что не понимают: их так называемые личности – лишь слои никчемной белиберды. Только ради этого я могла бы стать голубицей – мне достаточно было представить, как хлебные крошки и зернышки, которыми я кормлю своих птенчиков, превращаются в мерзкое желто-коричневое дерьмо, валящееся людям на головы, одежду, еду. Это дерьмо помогло бы им остановиться, перестать нести чушь, и тогда возник бы пусть краткий, но момент тишины, когда слышно только их отчаяние да довольное гуление голубей. Такие у меня мечты, доктор Зелигман, если вдуматься, эти маленькие акты мести все и определяют, и голуби медленно, но верно своими потоками дерьма уродуют наши самые прекрасные города. Вы только подумайте о горгульях Нотр-Дама или о чудесных венецианских палаццо, как их разъедают эти природные кислотные дожди, а неподалеку непременно сидит голубка и радуется своей очередной победе, представьте, а если бы об этом знали нацисты? Они точно тренировали пчел, я, правда, не знаю, с какой целью, может, чтобы те вынюхивали евреев и жалили их до смерти. Впрочем, если Голливуд на это еще не отреагировал, скорее всего, это не так. Иначе там всене-пременно сняли бы фильм под названием “Пасечники Гит-

лера” – сколько ведь там названий типа “Кто-то Гитлера”. Я вот жду, когда появятся “Книпсеры Гитлера” и “Подлинная история стрижки Гитлера”. Впрочем, я уверена, что они использовали почтовых голубей для своих идиотских шифрованных донесений, но уверена и в том, что они не понимали разрушительной силы птичьего помета. Швейцарцы, как всегда самые продвинутые, те понимают, я где-то читала, что муниципалитет Цюриха нанял человека, который среди бела дня ходил и отстреливал голубей. Интересно, касается ли это голубок, как особей, исполненных кипучей женской активности, которых официально нельзя трахать – как ведьм или монашек, вследствие чего они чересчур свободны. Как вы думаете, на такую зачистку швейцарцы способны?

Впрочем, доктор Зелигман, вам нечего меня бояться, право слово. Ваш ассистент мне сказал, что вы человек очень тщательный и что это все займет некоторое время, особенно фотографии, так что вы попусту не волнуйтесь, потому как я по-прежнему считаю: причины моего увольнения с работы были поняты неверно и нет оснований полагать, что у меня случаются приступы ярости. Да, в тот день я действительно пришла в ярость – это было до того, как я стала принимать гормоны, – но чтобы за такое увольняли... Они же понятия не имеют, что это значит для таких, как я. И я не считаю, что угроза прибить сотруднику степлером ухо к столу, размахивая означенным степлером, может рассматриваться как акт насилия. По крайней мере, если степлер обычный. Очень

сомневаюсь, что кто-нибудь когда-нибудь пытался пригвоздить человеческую плоть к столу такой вот пластмассовой штучкой. Да я больше рисковала – ведь скрепка могла попасть мне в глаз, но им на это было, разумеется, плевать, и не думайте, что нас обеспечивали защитными очками; бог его знает, сколько травм получено из-за таких вот дешевых канцелярских изделий.

Но мне теперь совсем не стыдно; пусть они все отравятся, грызя свои жуткие шариковые ручки, которыми пишешь как курица лапой. Поскольку самое мерзкое – не то, что я потеряла работу, в этом городе так и так живешь впроголодь, а что меня заставили посещать психотерапевта по имени Джейсон, в противном случае на меня бы завели дело. Доктор Зелигман, ну разве можно серьезно относиться к психотерапевту по имени Джейсон? Судя по виду, его могли звать и Дэйвом, и Питом, у него было лицо, какое ко всему приспособится, как у йогов, которые любую жестокость встречают улыбкой, потому что знают: вселенная – за них. И если бы солнце могло соскочить со своей орбиты и начать вращаться вокруг них, оно бы так и сделало. Поэтому-то люди вроде Джейсона думают, что могут простить любой человеческий промах, и поэтому-то я решила ему солгать.

Я представления не имела, кто Джейсон и откуда, но подумала, что его заведет, если я расскажу о своей сексуальной фиксации на нашем дорогом фюрере и о том, что ярость на меня накатывает из-за невозможности осуществить свои

желания, отчего, собственно, мне и захотелось пришить ухо коллеги степлером к столу, я не могла поведать ему об истинной причине моих мечтаний и обо всем, что не так с моим телом, и в процессе мне самой моя история понравилась. Когда-то я хотела стать писательницей, доктор Зелигман, а сочинение таких историй – прекрасное упражнение. Под конец – я это чувствовала – Джейсон не мог дождаться, когда же наши сессии прекратятся. Мне кажется, нет ничего отвратительнее историй о перверсиях, которые самому тебе чужды; к тому же если приходится сидеть в комнате с немкой, которая доводит себя чуть ли не до оргазма, представляя, как фюрер охаживает ее своим хлыстом, это превращается в нравственное испытание. Джейсон, похоже, не хотел слишком уж эмоционально включаться, однако видно было, как он страдает. Но там была не только грязь, были моменты подлинной близости, той благородной отцовской заботы, которой мы все втайне жаждем, сомнений и нарушенных обещаний – и неизбежный финал, когда он предпочел мне Еву Браун, свою замухрышку-секретаршу с фамилией, напоминающей о самом отвратительном из цветов – коричневом. Я в подробностях описывала, как напоследок, прежде чем вернуть все его подарочки “в залог любви”, я гладила собак и как мне удалось стащить, спрятав в паре грязных нейлоновых чулок, прядь его знаменитых волос и записку его рукой, где он просил меня не надевать ничего кроме еврейской шапочки на темечко. Мне показалось, Джейсон прямо помор-

щилась, когда я рассказывала, что представляла в мечтах, как малыш А. – так я его мысленно называла – велит мне сказать “Меня зовут Сара”#а затем начинает обрабатывать своим мощным прибором. В мечтах у меня были очень темные волосы и очаровательные черные глаза, и все казалось таким упоительно противоречивым. Джейсон пообещал подписать любую бумагу, подтверждающую, что я человек по натуре мягкий и миролюбивый, при условии, что ему больше никогда не придется слушать мои рассказы о том, как я завела привычку кончать на маленькие портреты фюрера, воображая, как его усы щекочут мою вагину, и как мне было трудно дойти до оргазма, не сделав “хайль”. Я даже предложила зарисовать для него некоторые из моих фантазий и предположила, что ролевая игра поможет мне преодолеть эмоциональное напряжение, но он только пробормотал что-то насчет того, что не надо отождествлять себя со своими мыслями. В общем, Джейсон меня разочаровал, доктор Зелигман, полным отсутствием воображения, однако за одно я ему благодарна. До наших сессий я думала о Гитлере как о тяжелом случае синдрома маленького человека, крохотная луна пытается напугать солнце, которому на нее плевать. На самом деле мне удобнее говорить о солнце “она”, потому что на моем родном языке солнце – женщина, а луна – мужчина, и это похоже на историю о валькирии, пытающейся оберечь свои чудодейственные силы от мерзкого человечка. Может, поэтому мы такие изломанные, может, поэтому так называе-

мый комплекс маленького человека имел для нас столь катастрофические последствия. Я не хочу снова заглаживать чужую вину, но может, Гитлер действительно мучился тем, что не способен удовлетворить солнце? Только маленький человек станет думать о своей потенции в таком аспекте, только он будет чувствовать угрозу от того, кто никогда и не подумает ему угрожать – он ведь даже не способен производить собственный свет.

Я уверена, что солнцу плевать на луну и его безнадежные попытки заигрывать. Зачем ей, солнцу, обращать внимание на мужчину, который вполне мог бы войти в ее вагину безо всякого чувственного влечения?

Но даже сегодня, доктор Зелигман, для немца живой еврей есть нечто удивительное, нечто, к чему нас никак не готовили, когда мы росли. Мы знали только несчастных или мертвых евреев, которые смотрели на нас с бесконечных серых фото или откуда-то из дальней ссылки, они никогда не улыбались, а мы были навеки перед ними в долгу. Мы могли как-то искупить свою вину, только превратив вас в волшебных существ, у которых из каждой дырки сыплется золотая пыль, в существ с непревзойденным умом, забавными именами и бесконечно интересными биографиями. В нашем воображении ни один еврей не мог быть таксистом, и в моем учебнике по теологии даже была страничка, посвященная знаменитым евреям. А на уроках музыки мы должны были петь “Хава нагила” на иврите, доктор Зелигман, – тридцать

немецких детишек и ни одного еврея поблизости, но мы пели на иврите, чтобы подтвердить, что прошли денацификацию и исполнены уважения. Но мы никогда не скорбели, разве что изображали новую версию себя – без намека на расизм в любых проявлениях и с отрицанием различий везде, где это только возможно. И вдруг остались только немцы. Ни евреев, ни гастарбайтеров, никаких других, и все же мы так и не вернули им статус человеческих существ, не позволили им вмешиваться, когда свели всю историю к уродливой груде камней, которую навалили в Берлине в память о жертвах Холокоста. Вы ее видели, доктор Зелигман? Нет, серьезно, ну кто захочет, чтобы его помнили так? Кто захочет, чтобы его помнили как точку приложения насилия? Мы слишком привыкли контролировать наших жертв, вот поэтому-то, столько лет прошло, а я не могу не поражаться: надо же, вы живете не только в наших книгах по истории и мемориалах, вы освободились от нашей версии вас и сейчас мы в этой комнате вместе, делаем то, что делаем, и я сижу так, что могу дотронуться до ваших восхитительных волос. Это чудо какое-то. Впрочем, наверное, надо вам сказать: у вас волосы начали редеть на макушке, совсем чуть-чуть, вашим поклонникам это не помешает вами восхищаться. Но я все-таки решила, что вам стоит об этом знать.

Доктор Зелигман, думаете, я сглупила, не использовав Джейсона как полагается? Единственный раз мне оплатили визит к психотерапевту, а я ничего лучше не придумала, чем

рассказать ему идиотскую историю. Спасибо еще, что он не отправил меня в психушку за то, что я сочиняю прозвища для члена фюрера. Но это было до того, как с моим телом стало твориться все вот это, я тогда еще думала, что буду просто смотреть гей-порно и как-нибудь, подключив чувство юмора, выкарабкаюсь из ситуации. Это было до того, как я встретила к., доктор Зелигман. Я всегда знала о своей дилемме, но знать можно по-разному и по-разному можно реагировать на то, что знаешь. Вопреки расхожему мнению нужно тело, которое ты можешь любить. Вся эта чушь о душах, о том, что можно любить душу вне зависимости от того, в какую она облечена форму, – полное вранье. Наши мозги устроены так, что кошку мы можем любить только как кошку, а не как птичку или слона. Если мы хотим любить кошку, мы хотим видеть кошку, гладить ее мех, слушать, как она мурлычет, получать царапины, если неправильно ее ласкаем. Мы не хотим слышать от нее лай, а если кошка начнет отращивать перья, мы ее уьем, изучим и в конце концов выставим на обозрение как чудище. Не знаю, почему наши мозги работают так, но К. научил меня, что, если мы попытаемся отрастить перья, когда никто не ожидает, что мы будем летать, люди нас убьют в полете, их псы в нас вцепятся и переломают нам шеи, а потом нас сунут в мешок и от нас избавятся. Наши мозги кое-как вытерпят кошку без хвоста или на трех ногах, но любые дополнения, нечто, с чем кошки обычно не рождаются, будут отвергнуты. Лающая кошка –

это больная кошка, которая слишком много времени проводит в обществе собак, это не такая кошка, какую вы захотите держать в доме, чтобы ваши дети с ней играли, потому что – кто его знает, а вдруг ее болезнь заразна и назавтра ваш кокер-пудель проснется и не залает, а замяукает? До встречи с К., доктор Зелигман, я и не представляла, что есть нерушимые границы и никакая лающая кошка никогда не овладеет небом.

Знаете, как бывает: оглядываешься на прожитую жизнь и вдруг больше не можешь притворяться, будто чего-то не знала, в каком-то смысле я всегда знала, что я – лающая кошка, и вот сижу я перед вами, вы пытаетесь разобраться в моих интимных местах, а на меня накатывает столько воспоминаний. Доктор Зелигман, вам в детстве приходилось ходить с мамой плавать? Делили ли вы с одним из родителей кабинку для переодевания, задумывались ли, сколько времени пройдет, прежде чем ваше тело станет таким же? Когда волосы на лобке редуют, а подмышками появляются родинки? Не знаю, почему я не ждала снаружи, как остальные дети. Может, мама так представляла себе близость, но я помню, что приходила в ужас от ее тела, думала, что уродливее нет ничего на свете, и каждый раз, когда ее нежная кожа касалась моей, мне казалось, что я тону в этой кабинке, задыхаюсь от тепла и запаха старых полотенец, в те времена общественные бассейны назывались *Badeanstalt*, учреждение для купания, но *Anstalt* – так сокращенно называли психиатриче-

ские больницы, и из-за этого сходства в терминах мне в кабинках было совсем не по себе, словно они – первый шаг к жизни в одиночном заточении. Вдобавок у мамы был шрам после кесарева сечения, благодаря которому я появилась на свет, и шрам этот неправильно сросся, он походил на лоснящегося алого червяка, а я вместо благодарности еще больше ненавидела ее тело за эту печать слабости. Все вокруг поймут, что когда-нибудь мое тело станет таким же, мои груди превратятся в такие же два обвисших мешочка, и там, где плоть будет слабее, появятся багровые полосы. Они увидят всю трагедию женского тела, продемонстрированную на разных стадиях развития – как в тех идиотских песенках, которые мы по кругу пели в школе. От начала до конца и снова сначала. Как только я высвободилась из этой кабинки позора, доктор Зелигман, я кидалась к первому попавшемуся мужскому телу, ласкала взглядом его плоскую грудь, питая тайную надежду, что мне удастся сохранить такую же, что мое тело не изменится и мне будет позволено и дальше ходить в одних купальных трусиках. И что однажды мать перестанет пугать меня ужасами своего меняющегося тела.

Вы правы, возможно, моя мать была не так уж уродлива, но и потом я не могла справиться с разочарованием, ведь тело настолько не соответствовало тому, что рисовало мое воображение и рекламировали журналы для подростков. Вы видите куда больше обнаженных людей, чем я, доктор Зелигман, и вряд ли станете оспаривать тот факт, что шум, кото-

рый мы поднимаем вокруг тела, никак не оправдан. Нас держит одна иллюзия: мы видели античные статуи и верим, что когда-нибудь опять родятся смертные, подобные им, что это и есть изображения реальных людей, таких, как вы и я. Я вообще не хочу сказать, что вы не привлекательны, доктор Зелигман, конечно же, вы симпатичный мужчина, даже несмотря на залысины и так далее, но ведь никто не захочет любоваться вами или мной в мраморе, в нас нет ничего, что могло бы вдохновить композиторов или поэтов, что лишило бы кого-то, тоскующего по нам, сна. Этим-то мы и отличаемся от животных – они, за редким исключением, всегда выглядят как подобает, как безукоризненные представители собственного вида, достойные и в соответствующей форме. Потому-то и нет идеализированных образов тигров и панд и только извращенный ум может вообразить идеальную лошадь # знаете, есть такие странные люди, которые мастурбируют рядом с лошадьми, потому что в большинстве стран ничего более интимного с лошадью делать не разрешается. Но вот посмотришь в окно, а там столько людей выглядят так, словно собрались пробоваться на роль Квзимодо, и решишь, что они правы. А вдруг они увидели свет и поняли, сколько приходится себе лгать, чтобы находить людей привлекательными, так что, может, проще пойти трахнуть лошадь? К тому же лошади, доктор Зелигман, не разговаривают, поэтому их, должно быть, легче любить.

По-моему, есть один период, когда люди по-настоящему

прекрасны. Быть может, это признак того, что я постепенно превращаюсь в грязную старушонку, но есть такой момент в юности, когда тела еще крепки и свежи, немножко как лошадиные, когда начинают взрослеть, но без всего сопутствующего уродства. Прежде чем начинают думать, что надо бы построить дом или причесываться почаще, прежде чем входят в тот возраст, когда их упоминают в завещании, – вот тогда-то о них еще можно писать стихи. Мне уже за тридцать, я стара, все, что произошло, произошло не вчера, а сколько-то лет назад. Мое тело на все отвечает геморроем и вонючими субстанциями, сочащимися из всех отверстий, я никогда не пойму, почему мой пупок иногда мокнет, доктор Зелигман, но я еще помню тот возраст. Те времена, когда все мерзкие дядюшки на семейных сборищах наперебой пытаются тебя соблазнить, когда ты еще уверена, что в твоей жизни случится что-то интересное, когда ты еще не поняла, что все твои родственники – занудные гниды и в целом довольно плохо к тебе относятся. Когда ты еще не поняла, что твои кухни – твои худшие соперницы, а жизнь – бесконечное повторение все тех же ошибок, того же отчаяния, того же дурного вкуса. Я прекратила отношения с большинством своих родственников много лет назад, и даже если это означает, что я умру в одиночестве в Провонявшем мочой приюте, где санитары будут засовывать мне в рот кляп из своих грязных трусов, это означает еще и то, что мне удалось избавить себя от самых отвратительных в мире бесед – бесед между родственника-

ми, в особенности между тетушками. Это все равно что засунуть в голову пылесос и включить его на выдувание, только пощады не будет никакой: нет, голова не взорвется, что было бы избавлением. Вместо этого придется до конца жизни слушать белый шум. Потому что кровь не вода и все мы когда-то вылезли друг у друга из утроб. Меня немного утешает, доктор Зелигман, что я смогла от всего этого избавиться, да они все равно не поняли бы, что со мной сейчас творится. Большинство тетушек не понимает даже, если ты просто не хочешь иметь детей, как же им понять такое? Да и попытаюсь я с ними поговорить, они бы только спросили, что случилось с собственностью моего прадеда после смерти деда. А я не знаю ответа на этот вопрос, откуда же знать, что происходит в головах у стариков? Они как дети, но при деньгах и с еще меньшим количеством нравственных ориентиров, они стремятся к исполнению своих последних желаний, а в этом квесте запретов нет. Они пугают меня, доктор Зелигман, и иногда мне в кошмарных снах снятся руки деда – они пытаются удержать то, что у них уже нет сил удерживать.

Вы точно не хотите ответить на звонок, доктор Зелигман? Я совершенно не против. Мне нравится слушать ваш голос, у вас в отличие от меня такой чудесный английский выговор, такой интеллигентный, без снобизма. Может, там что-то срочное или ваша жена. На столе фото вашей жены, доктор Зелигман, или вашей мамы? Про некоторых мужчин непонятно, кому принадлежит их сердце, но мне представляет-

ся, что вы из тех счастливо женатых мужчин с глаженными пижамами, которые даже представить себя несчастными не могут. К тому же вы из сурово преследуемого меньшинства, поэтому, я уверена, у вас много детей, они – ваш способ протеста, я это понимаю: должно быть, вы очень гордились собой, когда ваша жена забеременела, ведь столько людей прикладывали усилия, чтобы подобного не случилось. Так что в некотором смысле вы на меня похожи: во время оргазма тоже думаете о Гитлере, я шучу, вы наверняка думали о цветах или о том, какая у вас красивая жена, а еще я уверена, что все было очень благопристойно. Но не кажется ли вам, что держать на рабочем столе чей-то портрет – это как-то по-собственнически? Разве обожать кого-то, особенно женщину, не то же самое, что похоронить ее заживо в вашей версии происходящего? Я всегда чувствовала, мужчины не способны любить женщин за то, какие они есть на самом деле, поэтому превращают их в кексы, точнее в пирожные – знаете, такие жуткого вида штуки, которые немцы называют *Torte*. Нечто мило украшенное, что продержаться несколько дней поможет, семью накормить, но купишь его, только если оно идеально. И в какой-то момент они стали называть эту тиранию любовью. Нет, я понимаю, никто не любит уродов, но мне кажется натяжкой считать это позитивным чувством в противоположность тому, над чем мы все должны работать, как, например, над осознанностью и отказом от пластиковых трубочек для коктейля. Вы только посмотрите на жен-

щин на их свадебных фото, а потом представьте себе ужасное немецкое пирожное в толстенных слоях сливочного крема, изначально придуманное для того, чтобы помогать пенсионерам умирать побыстрее, и всех этих мужчин в костюмах, улыбающихся очередной женщине, которая попала на удочку и позволила превратить себя в хорошенькую штучку, боящуюся даже шевельнуться, не то вдруг какое украшение отвалится или кто заметит, что она не от рождения такая. Что под этим лицом есть еще одно лицо и сердце бьется под слоями белой ткани, напоминающей о вроде бы давно позабытой тирании невинности и о поколениях женщин, которые отказывались от свободы ради одного дня в жизни, когда можно искренне верить, что все присутствующие мечтают трахнуть только тебя и всё это о тебе, а не о порабощении твоего духа. Доктор Зелигман, ведь любить кого-то так – это примерно как развлекаться с одной из секс-машин господина Шимады или с мертвым телом, то есть с кем-то беззащитным и неспособным опровергнуть то, что о нем говорится. Еще меня очень удручает, что не принято плохо говорить о мертвых: по-моему, так мы стали бы ближе к самим себе и к своей истории, нам не приходилось бы поддерживать миф о том, какими красавицами были наши бабушки, а усы отрасли только к старости, могли бы и признать, что их поросль на верхней губе никогда не уступала кошачьей. Мне очень жаль, что нас принуждали гордиться вещами, лишенными потенциала. Но я уверена, что вы, доктор Зелигман, никогда

не пытались удушить свою жену лавиной сливочного крема. Быть может, вы вообще человек романтического склада, не смотрите порно и никогда не предаётесь мечтам о пороках, которые вполне могли бы себе позволить при вашем-то доходе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.